

18+ Валерий Казаков

Коварный дар

Мистический детектив

Валерий Казаков

**Коварный дар.
Мистический детектив**

«Издательские решения»

Казаков В.

Коварный дар. Мистический детектив / В. Казаков —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-988346-9

Это история о том, как необычный дар человека можно использовать для добрых дел. А также о том, как носитель этого дара, сам того не замечая, но в силу сложившихся обстоятельств может превратить добро для одних людей в зло для других. Жестокость — это или просчет, шаг за грань или неумение распорядиться необычными способностями? Ответы на эти сложные вопросы вы можете найти в повести «Коварный дар».

ISBN 978-5-44-988346-9

© Казаков В.
© Издательские решения

Содержание

КОВАРНЫЙ ДАР	6
Конец ознакомительного фрагмента.	18

Коварный дар Мистический детектив

Валерий Казаков

© Валерий Казаков, 2020

ISBN 978-5-4498-8346-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

КОВАРНЫЙ ДАР

Вера родилась в апреле, когда воздух наполнился запахом спелой весны, а зимние холода почтительно отступили, предоставив место яркому солнцу и первой несмелой зелени. Детство Веры прошло быстро и незаметно, как это бывает у людей живущих на природе, с ранних лет приученных к тяжелому труду. Из детства запомнились резкие запахи дешевых духов, исходившие от красивых городских родственников, которые приезжали к её родителям на легкой машине. А ещё в памяти остался вкус парного молока, которое мать приносила из хлева в большом эмалированном ведре кофейного цвета и ставила это ведро на стул возле стола.

Когда Вера немного повзрослела, ей захотелось быстрее стать высокой и красивой, как Патрисия Каас, чтобы можно было каждый день ходить в кино, слушать музыку и загорать на пляже. Но вместо этого ранним утром Вере нужно было вставать с теплой кровати, есть противную овсяную кашу и тащиться в школу, которая располагалась за деревянным мостом через речку, рядом с заброшенным парком. После школы, вечером, Вера долго учила уроки и с грустью смотрела в мутное окно, за которым зеленел сад, потом полола гряды, собирала первую спелую землянику. В общем, её детство походило на плохой двухсерийный фильм. В одной серии – школа, в другой – дом, а между ними – солнечный промежуток, продуваемый всеми ветрами, в котором вишня цветет или опадают пожелтевшие листья.

В детстве Вера жила исключительной способностью по-особому видеть мир, опасаться его противоречий и, одновременно, – открывать в нем что-то новое. Сколько себя помнила, Вера всегда подчинялась родительским указаниям, старалась выслушать их советы и вникнуть в бабушкину молитву, которая иногда дополнялась пеньем птиц, доносящимся из сада. Но во всем этом шуме, шелесте и бормотании для неё не существовало ничего интереснее первого солнечного луча, который нехотя пробивался в суверенные сумерки её спальни через облако тюлевых занавесок и рисовал на белой стене красивые силуэты земной растительности. Однажды она увидела в этих рисунках стебли осоки, потом – скопище одуванчиков, а как-то раз разглядела там силуэт юноши на фоне белых облаков.

Потом в ее жизни появились мальчики с крупными коротко остриженными головами, от которых пахло то потом, то грубым мужским одеколоном, то дешевым табаком. Мальчики постоянно говорили гадости и норовили ущипнуть за ягодицу. Поэтому юность пришла к Вере как бы некстати, неожиданно. Она пришла вместе с первыми разочарованиями, с первыми утраченными иллюзиями и неосуществленными планами. Юность, кажется, была уже не такой цветной, как детство, и порой стала утомлять по вечерам присутствием одиночества. Зато манящие всполохи любви на ясном горизонте будущего заставляли трепетать неопытное сердце и мечтать о чем-то возвышенном, нездешнем, неземном. И будущего у неё впереди было так много, как ржаного поля за садом, как неба над линией горизонта. В это будущее можно было плыть и плыть, постепенно приближаясь к холмистой зрелости. Правда, было ещё непонятно, что такое сама жизнь? Это продвижение в глубь непознанного, или – возвращение в себя, к своей истинной сути, потому что глубь души и глубь неба вдруг стали равнозначны.

Последнее, что она запомнила в юности – это загадочно-печальные стихи Есенина, грустные новеллы писателя Голсуорси и первый сковывающий поцелуй в щеку, который охлаждал кожу, как капля дождя. Того мальчика, который её в первый раз поцеловал она не любила, старалась на него смотреть и не замечать, потому что он был отличником и читал на уроках газеты. А, самое главное, – от него никогда ничем не пахло, даже свежестью, если он возвращался с яркой весенней улицы. Он был всегда опрятен, чист и сух, как желтый лист из старого гербария, который готов рассыпаться от первого прикосновения.

После школы Вере пришлось устроиться разнорабочей на Хлебоприемный комбинат. Так решили её родители, потому что старшие дети разъехались по городам получать образование, а старики остались в деревне одни. Надо же было за ними кому-то присматривать. Предполагалось, что Вера может учиться заочно. К тому же большого рвения к учебе она никогда не проявляла и не чувствовала в душе вполне определённого призвания к чему-либо. Правда, было такое время, когда ей хотелось устроиться на работу в лесничество, но женщин лесников ей видеть не приходилось, поэтому желание связать свое будущее с лесом вскоре угасло.

Работая в ночную смену, Вера очень уставала и поэтому передвигалась по территории Хлебоприемного комбината медленно, как будто пыталась понять что-то важное в его гудящем и пыльном пространстве. Её одноклассницы вскоре подали заявления в институты и техникумы, а она не решилась. Не хотела ссориться с родителями. Никуда дальше районного центра она не ездила и не чувствовала большой потребности в освоении мира. Ей казалось, что этот мир не может ничем её удивить. Он не больше и не интереснее того мира, который у неё в душе.

Однажды вечером Вера принялась очищать от пыли железную опалубку зерноприемника. Взяла в руки метлу и приступила к работе. Весь день шел дождь, обшивка бункера кое-где стала скользкой, и Вера не удержалась на тонкой железной конструкции. Несколько раз отчаянно взмахнула свободной рукой, пытаясь удержать равновесие, вскрикнула, испуганно выкатила глаза – и полетела вниз, в черную бездну железного подземелья, где работал ленточный транспортер.

Что было потом, она не запомнила.

Две недели Вера была без сознания. Родителям сообщили, что нужно готовиться к худшему, что медицина иногда бывает бессильна. Хотя организм у Веры крепкий и сейчас вся надежда только на это.

Две недели больная не приходила в себя. Её мать поседела за эти страшные дни, отец перестал заниматься физкультурой и тайно молился каждый вечер, выходя в тёмный сад под осеннее звездное небо. Младший брат появлялся в школе с заплаканными глазами и удручающе бледным лицом. Бабушка повторяла, что сейчас вся надежда на Бога, на его великую милость к нам грешным. Только Он может свершить чудо. Поэтому надо не плакать, а молиться, просить у него помощи...

И чудо свершилось. Через какое-то время Вера пришла в себя, но, к сожалению, в новом для окружающих качестве. В качестве молодой симпатичной дурочки с озорными глазами. Во всяком случае, так показалось всем, кто её окружал в первые дни после выздоровления, когда она вдруг заговорила о политической концепции современного мира, где в основе всего лежит ложь и стяжательство, где маленький человек ничего не значит, как песчинка на речном дне, которую несет холодное течение времени, а куда – неизвестно. Всё, что он может – это созерцать и предчувствовать, сносить обиды и ждать перемен, пока Бог не наградит его за терпеливость каким-либо редкостным даром.

Когда её отцу Ивану Филипповичу сообщили о странной болезни дочери – он долго хлопал глазами, пока в очередной раз не прослезился и мысленно не махнул на всё рукой. Потом забрал её из больницы и привез домой. Он надеялся, что дома она непременно поправится и постепенно станет такой же, как была.

Но не тут-то было. Из больницы Вера вернулась другой, совсем не похожей на прежнюю мечтательную девочку с двумя веселыми косичками. Впечатление было такое, будто у его дочери круто изменился жизненный цикл, и сейчас движение пошло в обратном направлении – тем путем, который плохо контролируется рассудком. Её вновь стали интересовать ярко одетые куклы, увлекали наивные детские сказки и короткие, но поучительные стихи Агнии Барто. Она часами могла смотреть в заиндевевшее окно, за которым падает снег. Или неожиданно при-

нималась читать толстые литературные журналы, которые мать приносила ей из сельской библиотеки.

По инерции здравомыслия таких людей как она полагается лечить. И её какое-то время интенсивно лечили в захудалой «психушке» села Ашлань, где на самом видном месте тяжёлым квадратом из красного кирпича стоит облупившаяся полуразрушенная церковь, а вдоль речки растут тополя с корявыми, но пышными вершинами. После этого лечения Вера некоторое время была такой же, как все здоровые люди, то есть – скованной и молчаливой, готовой тянуть любую ляжку. Сейчас она способна была питаться одним ржаным хлебом и картофелем, а потом говорить нескладным языком разные нелепые вещи, вроде того, что всю Россию довели до ручки тупые люди демократы, умеющие только разрушать. Хотя Святая Русь ещё жива и воинство её в железных шлемах ещё поднимется, чтобы в последней схватке с врагом уничтожить Антихриста. Ибо обратной связи с обществом у Антихриста нет, как нет связи с зеркалом, которое его не отражает. Он – пустота.

И вот, когда все уже привыкли, что Верка Голенищина всего лишь женщина со сдвигом, с приветом – странная и одновременно загадочная, с которой лучше лишний раз на улице не встречаться. Когда деревенские забулдыги стали открыто подшучивать над ней в самых людных местах, она открыла в себе необычную способность ощущать чужое волнение на расстоянии. Например, однажды она ясно почувствовала, что к дому родителей кто-то приближается, и этот кто-то сильно переживает, как его встретят.

– К нам гости, – весело сообщила она отцу и подбежала к ближнему окну, из которого могла рассмотреть небольшую часть по-зимнему белой улицы.

– Какие гости? – с недоумением спросил отец.

– Не знаю, но ты иди, встречай. Иди, иди скорее.

Отец в растерянности замер на несколько секунд возле стула, с которого только что встал, потом оделся и двинулся в сени. Из сеней поспешил на улицу, а там, в конце заснеженной дороги, увидел возвращающегося из армии сына. Всё это было так неожиданно и так приятно, что Иван Филиппович напрочь забыл о странной способности дочери предвидеть события.

Но примерно через месяц Вера вновь напомнила о себе. В колхозной конторе на этот раз лихие люди распотрошили сейф. В нем и было-то только пять тысяч рублей, и про них бы вскоре все забыли, если бы Верка случайно не обронила в продуктовом магазине, что знает, где украденные деньги лежат и где сейчас находятся незадачливые грабители. Ну конечно, ей не поверили, над ней посмеялись в очередной раз, только в тот же вечер кто-то поймал Верку в тёмном школьном парке, прижал к стволу огромной лиственницы и грубым голосом предупредил, чтобы ничего лишнего впредь не болтала, если хочет жить.

Потом она помогла найти девочку, заблудившуюся в лесу, потом рассказала правду о гибели конюха, пропавшего вместе с конями на ледовой переправе в первую декабрьскую пургу. Ни с того ни с сего поведала о том, как Иван Матвеевич запил, узнав про измену жены; как председатель сельпо заболел после жуткой растраты, и как погиб в лесу охотовед Медведев, ненароком встретившись с бригадой браконьеров из соседнего района. Причем её рассказы на этот раз изобиловали такими мелкими подробностями и таким ярким описанием деталей, как будто она видела это всё своими глазами, знала, но не смогла предотвратить.

После этого Иван Филиппович стал смотреть на дочь по-другому. Он понял, что она, пожалуй, может читать чужие мысли, в том числе и его неказистые раздумья о житье – бытье. И если бы эти мысли были исключительно философского плана, то тогда, конечно, читай их на здоровье с утра до вечера. Но Иван Филиппович, глядя на жену, иногда думал такое, что человеку постороннему трудно было представить. Особенно часто это происходило в те

моменты, когда его полная и моложавая жена поворачивалась к нему соблазнительным задом. Конечно, ему было уже далеко не двадцать пять и даже не тридцать, его лицо покрывали мелкие морщинки, спина горбилась, волосы поредели, но душа почему-то не хотела стариться, душа продолжала жить мечтами юноши, желаниями и соблазнами молодого мужчины. Поэтому, когда дочь бала рядом, Иван поскорее включал телевизор и погружался в сонное созерцание новостей. В это время в его голове становилось совершенно пусто, как в зимнем сумеречном поле, где только белое небо да белый снег до самого горизонта.

Однажды он долго и напряженно размышлял на эту тему, потом долго молчал, а потом неожиданно спросил у дочери:

– Вер, а Вер...

– Да, – откликнулась Вера.

– Ты это самое... чужие мысли – того – не читаешь? А то, чего доброго, взбредет в башку какая-нибудь блажь. А ты рядом.

– Можешь не волноваться, – ответила дочь, – у вас с мамой я ничего прочитать не могу. Только иногда от посторонних людей, которые сильно волнуются, до меня доносятся какие-то фразы, как бы издалека. В это время я вижу сияние над их головами. Как будто светиться чего-то у них внутри.

– Надо же! Нимб значит! – искренне заинтересовался Иван, испытал облегчение. – А нимб у кого видела?

– У Матвея – церковного звонаря, У Николая Алексеевича Вяткина, который в школе химию преподает. У тети Наташи, которая лежит парализованная двадцать лет. Нимб, он почти у каждого человека есть, только по-разному светиться. У обычного человека он незаметен. Он синеватый такой, как туман по утрам. У старых и добрых людей – поярче, а самый яркий у великомучеников, которые всю жизнь в трудах да заботах прожили и не нажили ничего.

– Да ведь таких-то в России большинство, – снова оживился Иван.

– Может быть, – согласилась дочь

– Мы тут все такие, – не унимался Иван. – Ты на нас с матерью посмотри. Ну чем мы не великомученики? Скажи! С утра до вечера в работе, а прок от этой работы какой? Ни машины у нас нет, ни золота, ни серебра, только огромные валенки с галошами на ногах, да фуфайки на теле. Вот и всё наше богатство.

– Вы ещё хорошо живете.

– Да я не жалею, просто к слову пришлось.

– У вас всё есть.

– Да я согласен. Есть. Я ничего против не имею. Мой отец ещё хуже жил. Вот только зачем по телевизору-то нам всё врут. Прямо неудобно как-то. Иногда в голову такое лезет, – хоть письмо президенту пиши. Ведь президент-то он, вероятно, правды не знает. Вот ему и кажется, что всё у нас хорошо. Всё в порядке.

– А у меня в голове сейчас полная ясность, – радостно сообщила дочь. – Всё на своих местах: и земля и небо, и свет и тьма. Только неясно, где начало и где конец всему этому?

– Чему? – не понял Иван.

– Тому, что называется жизнью.

– Так ведь есть рождение и смерть, – попробовал объяснить Иван.

– Это для одного существа, а меня волнует Вселенная, – спокойно уточнила дочь.

Иван Филиппович недоуменно пожевал губами и подумал про себя: «Черт знает что!»
А Вера, между тем, продолжила:

– Мне кажется, жизнь отдельного человека на земле вообще не имеет смысла. Без прошлого и будущего отдельный человек ничего не значит.

– Да я ничего против не имею, – снова оправдался Иван, – только к нам с матерью больно-то не прислушивайся. Неудобно как-то.

Сказал это и почувствовал себя перед дочерью глупым старикашкой, которого легко поставить в тупик.

По профессии Иван Филиппович был ветеринар, всю жизнь он копался в скотских болезнях, колхозных дрязгах, и, видя по утрам в тусклом зеркале свое коричневатое лицо, всегда почему-то удивлялся: неужели это он? Почему такой старый, сухой и серый, как майский жук? Ведь, кажется, совсем недавно кожа приятно лоснилась на покато лбу, на щеках горел румянец, а глаза блестели так сильно, что жена их видела даже в темноте. Дочь Вера была желанным ребенком. Её любили, как любят в России светлое будущее, с ней связывали массу радужных надежд.

– Вот только в любви, папа, я ничего не понимаю, – однажды призналась дочь. – Столько романов написано об этом, столько сказано, а я в своих чувствах разобраться не могу. Есть природа, есть музыка, есть Бог. Неужели любовь может заменить всё это? Всё переиначить... Мне как-то не верится. Ну, как это так! Я увижу его – и забуду обо всем. Про облака забуду, про звезды, вкус ягод лесных забуду, запах меда и шум дождя. Нет, не верю. Это неправда. Так не бывает.

– Ну, как тебе объяснить. Бывает, наверное, – попробовал возразить Иван Филиппович. – Любовь надо испытать. Только тогда всё поймешь.

– Но я испытала уже, – неожиданно призналась Вера, – и... ничего не поняла.

– Когда это ты успела? – искренне удивился отец.

– Ещё в школе. Помнишь, к нам приехал тогда на практику новый учитель физкультуры, высокий такой, темноволосый, красивый.

– Припоминаю, – соврал Иван.

– Его звали Анатолий Сергеевич. Он отработал в нашей школе три месяца, а потом уехал.

– Ну!

– Так вот, он очень понравился мне. С ним было интересно. Он стихи мне читал.

– Какие ещё стихи?

– Ахматову кажется. Всё время читал стихи и смотрел на меня как-то странно, как Демон смотрит с картины Врубеля. И в глазах у него таился огонь, как будто он говорит одно, а хочет сделать другое. Язык его гладит, а цепкие руки готовы схватить и смять.

В это время она показала своими тонкими пальцами, как можно схватить и смять. У неё получилось убедительно и хищно.

– В его квартире перед окном стояла декоративная пальма, рядом с пальмой – диван. Я всегда садилась под эту пальму на диван и смотрела в пасмурное окно... Помню, он стихи написал к моему дню рождения? Там были такие строки:

*В руке твоей моя рука,
И мы летим под облака,
Как птицы белые в ночи,
Туда, где сходятся лучи
Вселенной.
Где царство радуги и тьмы
Ввергает в панику умы
Великих некогда людей,
Плененных красотой идей.*

Признаться, я и сейчас не понимаю, о чем это. Кажется красиво, а вдумаясь – мурашки идут по коже – больше ничего.

– Да, странно, – промолвил Иван Филиппович.

– А почему ты об этом спрашиваешь? – серьёзным голосом обратилась к нему дочь.

– Да так, вспомнил и спросил.

Хотя спрашивал Иван Филиппович неспроста. Пару дней назад он не спал до полуночи, не вставал, не ворочался – просто лежал на кровати без движения и думал о чем-то. И вот, когда уже стал задремывать – вдруг увидел за окном яркий свет, напомнивший чем-то большую птицу. Каждый взмах её крыльев обдавал заиндевелое окно пульсирующим синеватым пламенем. Было такое впечатление, будто неведомые вспышки наслаиваются одна на другую, не успевая погаснуть, и постепенно стекают вниз, превращаясь в искрящиеся льдинки. Иван приподнял над подушкой голову и увидел, как со своей кровати медленно поднялась его дочь. Глаза её были закрыты, лицо бледно, руки безвольно опущены, но при этом она прекрасно ориентировалась в ночной комнате. Сначала она подошла к окну и остановилась там. У Ивана Филипповича возникло такое чувство, как будто Вера сквозь закрытые веки увидела что-то, потому что лицо её вздрогнуло и вытянулось. Потом она направилась на кухню, плотно прикрыла за собой дверь, а после этого по всему дому разнесся странный запах лесной свежести. Как будто в комнату только что кто-то вошел с морозной улицы. Потом оттуда донесся тихий и спокойный шепот, напоминающий шум дождя.

Примерно через полчаса всё закончилось. За окном снова появился яркий свет, искрящимися пучками рассыпался по морозному стеклу, запульсировал, забился и потух. А ещё через несколько минут из кухни возвратилась Вера. Глаза её были закрыты, как прежде, но по лицу блуждала странная едва заметная улыбка, при этом руки её были согнуты в локтях, как будто она осторожно несла перед собой хрустальную вазу. Потом она легла на кровать, расслабленно вытянулась и сразу ровно задышала, а Иван Филиппович заснуть уже не мог.

Утром Иван Филиппович долго не мог понять – приснилось ему всё это, или – произошло на самом деле. До обеда он ходил мрачный, а потом набрался смелости и спросил у дочери, не вспоминает ли она про того болезненного мальчика из соседнего дома, который умер два года назад. Они были когда-то дружны. Володя провожал её до дома, сумку ей носил, покупал дешевые сладости.

Вера ответила, что ничего между ними не было, но она почему-то видит его во сне. Как будто он приходил к ней и говорит какие-то странные вещи.

– Какие, например? – заинтересовался отец.

– Ну, например, он говорит, что сила духа – это рассеянный свет, и если человек очень хочет, чтобы она загорела в нём ярким пламенем, эти рассеянные лучи надо соединить в одну точку. Только так можно познать свое глубинное «я». Ибо внешний мир – ничто, а мир внутренний – Вселенная полная тайн.

– Вселенная полная тайн, – с недоумением повторил отец.

– А ещё он говорит, что образ предмета и сам предмет – это вовсе не одно и то же. То есть, внешний мир и наше представление о мире – это разные вещи. И поэтому надо отречься от привычных образов и забыть о собственном теле, чтобы познать истинную суть вещей.

– И где она, истина?

– Внутри нас, – уверенно ответила Вера.

– Как это?

– Он говорит, что Вселенная снаружи нас сопоставима с той, которая находится внутри. То есть, если образ познается через образец, идея – через идеал, то внешний мир точно так же можно познать через мир внутренний – мир души, который в свою очередь – часть космоса и в какой-то степени с ним сопоставим. Поэтому истинное знание не обязательно облекать

в слова, необязательно придавать ему форму в виде рассуждений. Достаточно погрузиться в его поток и понять, как озарение.

– Так, так. Приехали. Понятно..., – устало отмахнулся Иван, предполагая, что это и есть настоящее проявление её душевной болезни.

– А ещё он говорит, что каждый человек от природы наделён способностью мечтать, и, следовательно, никогда не сможет удовлетвориться тем, что есть. Его желания растут как снежный ком, поэтому он всегда чем-то недоволен. Окружающий мир ему кажется неустроенным и бедным, хотя человек сыт, обут, одет и даже здоров. Но отчего-то его сопровождает вечная неудовлетворенность. Она всегда внутри человека. Его душа не в силах этому чувству противостоять, хотя интуитивно она и стремится к свободе.

– Нет, нет. Этого я уже не понимаю, – судорожно трясая головой, признался Иван Филиппович, – и... и говорить на эту тему не хочу. Не буду...

– Как хочешь, – холодно отозвалась дочь, немного помолчала и со странной полуулыбкой на лице удалилась на кухню...

Больше Иван Филиппович к этому разговору не возвращался и старался пораньше лечь спать, чтобы случайно не сойти с ума. Всё равно понять происходящее здравым рассудком было невозможно. Сон и реальность сейчас путались в его голове, мешая сосредоточиться.

Чтобы лучше спать по ночам он стал выходить перед сном на прогулку. Выбирался через сад на дорогу и по скрипучему снегу шагал до ближайшего перелеска, где останавливался и с привычным недоумением смотрел на звезды, на вершины сосен и елей в серебрящемся контуре. Он видел мутное пятно луны над самым горизонтом, синеватые волны сугробов у себя под ногами. Отрешенно вздыхал, читал «Отче наш» и возвращался обратно, чувствуя в душе желанную легкость. В тишине под звездным ночным небом, будущее дочери уже не представлялось ему таким мрачным как раньше. Возникла уверенность, что из любого положения можно найти выход. Ведь, собственно, ничего страшного не произошло. Жизнь продолжается. А непонятные сны лучше не вспоминать, лучше забывать о них как можно скорее.

Решение выдать Веру замуж пришло Ивану в голову неожиданно. Это показалось ему самым простым решением всех проблем. Он уже давно тяготился её присутствием, только вида не подавал. Всё-таки отец. К тому же, ему казалось, что все её странности, её непонятные рассуждения – это всё из-за её болезни. Вот выйдет она замуж, родит ребенка и выздоровеет. Будет крепко спать, поправится, порозовеет – и из неё уйдет эта странная способность к пророчествам и прочим непонятным вещам, которым трудно найти объяснение.

И подходящий кандидат в женихи нашелся довольно скоро. Им оказался Павел Егорович Большетрубный – местный участковый милиционер. Ему сам Бог велел быть Веркиным мужем, потому что вместе они в сыском деле горы могли бы свернуть. Ведь у Верки верный нюх на жуликов и грабителей, она с её тайными способностями может практически всё. Только бы Павел не озадачился её душевным состоянием, а так Верка – женщина хоть куда – вся в мать Евгению Семеновну. Грудь у неё высокая, бедра широкие, глаза озорные...

Павла Большетрубного Иван нашел в сельповской котельной. Тот был уже довольно пьян, вертел в худой руке деревянный подрозетник и пытался откусить от него небольшой кусок, видимо спутав его с пересошим советским пряником. Сидящий рядом кочегар, посмотрел на участкового недоуменно и спросил:

– Опять вчера накушался, Павел Егорович?

– Не твое дело, – ответил Павел и многозначительно посмотрел на Ивана.

Кочегар понял его взгляд по-своему и поспешил налить Ивану сто граммов в мутный от заварки стакан.

- За встречу, Филиппович. Пей, не стесняйся, Здесь все свои.
- Да я не болею, – стал оправдываться Иван, – я по делу зашел с Павлом Егоровичем посоветоваться.
- Не сегодня, – тупо отрезал тот и замотал сонной головой, – Не сегодня, Иван Филиппович. Ты, конечно, извини, но сейчас я о деле говорить не могу. Горе у меня.
- Горе у него, – поддержал участкового кочегар.
- А что произошло? – участливо спросил Иван.
- Личное оружие потерял вчера при загадочных обстоятельствах.
- По пьянке, – уточнил кочегар.
- Не по пьянке, а по недоразумению.
- Потеряешь тут, если спать будешь неизвестно где, – снова добавил кочегар.
- Надоел, – отмахнулся от него участковый и состроил страшную физиономию, выражающую, должно быть, крайнюю степень раздражения, а на самом деле – просто смешную. – Я вчера у Машки Малининой ночевал.
- А проснулся где?
- На колхозной конюшне.
- Вот! В этом всё дело! Скажи ты ему, Иван, в этом всё дело! Как он в колхозной конюшне оказался, если у Машки заночевал. А?
- Не знаю, – ответил милиционер.
- А я знаю. У неё же до Пашки чечен был – Амангельды, который водкой торговал самопальной. Помнишь? Вчера вечером его машину у магазина видели. Вот... Скажи спасибо, что он тебе башку не оторвал, только оружие забрал.
- Да ну тебя! – отмахнулся Павел
- С кавказцами шутки плохи.
- Шагай. Шагай, давай лучше, – сказал кому-то Павел.
- А как насчет разговора? – снова спросил Иван.
- Да какой с ним сегодня разговор, – ответил за участкового кочегар.
- Оклемаюсь – зайду, – пообещал Павел. Иван Филиппович посмотрел на него озадаченно и направился к выходу.

Придя домой, Иван первым делом наказал жене, чтобы к вечеру непременно приготовила что-нибудь вкусенькое.

– Павел Егорович в гости придут, – пояснил он. – Побеседуем... Так-то он человек неплохой и родители у него были люди приличные, работающие. Только выпивает он лишнего.

– Ну да кто сейчас не пьет-то, – отозвалась Евгения Семеновна примирительно, – лишь бы не дрался.

– Женится – остепениться, – согласился Иван.

– Разве что.

Весь вечер в тот день Евгения Семеновна хлопотала на кухне возле стола. Выбегала то в погреб, то в клеть, но, кажется, не от радости металась по дому, от беспокойства: ладно – ли они с мужем поступают, насылаясь девкой этому проходимцу. Он хотя и милиционер, но забулдыга порядочный, вот и оружие свое потерял неизвестно где. Как на такого положиться? А Верка, она хоть и странная немного, но зато красавица и по хозяйству всё может. Неизбалованная. Эх, если б не болезнь – не видать бы ему Верки, как своих ушей.

В семь часов вечера проскрипели по сеням старого дома Ивана Филипповича новые яловые сапоги местного милиционера. У Евгении Семеновны от этого скрипа сердце застучало прямо в висках. Идет супостат за ее лебедушкой, за ее красавицей ненаглядной.

– Можно к вам? – раздался из-за двери уверенный голос милиционера.
– Заходите, заходите, – враз откликнулись ему супруги Голеницины. – Мы вас ждали.

– Здравствуйте, – поздоровался милиционер, шагнув за порог и приглядываясь к незнакомому жилищу.

– Проходите к столу.

– Да нет, что вы, я так – поговорить зашел.

– Проходите, не стесняйтесь, – пригласила его Евгения Семеновна вторично. – Сейчас поужинаем вместе и поговорим. Да вы снимите пиджак-то. Без него свободнее. Дома у нас тепло... Проходите, садитесь.

Стол в тот вечер у Голенициных и, правда, был отменный. Он чем-то походил на яркий натюрморт с одной знаменитой картины голландского мастера, репродукция которой висела в местной столовой с незапамятных времен. В центре стола у Голенициных сегодня возвышалась красивая бутылка шампанского из темного стекла, рядом с ней притулилась простоватая пол-литра водки в алюминиевом берете, а кругом теснились салаты и закуски, копчености и солености; жареная рыба и холодец, клюквенный морс и вишневый компот. Видя всё это обворожительное изобилие, Павел Егорович многозначительно потер руки и восхищенно произнес:

– Такого я не ожидал. Наготовили, как на свадьбу... Даже неудобно как-то... Неужели из-за меня это всё?

– Жена постаралась, – разъяснил Иван Филиппович с довольной улыбкой. – Она у меня мастерица. Да и Верка вся в неё пошла. Тоже готовить-то умеет.

– Сади гостя да угощай, потом объяснять будешь, – посоветовала мужу Евгения Семеновна. – А то стоит человек у порога и ждет. Неудобно.

– Да, да, Павел Егорович, присаживайтесь.

Павел Егорович хотел было для приличия вначале присесть на диван, немного побеседовать о том – о сем, но хлебосольные супруги не позволили ему это сделать. Почти силой усадили за стол. И первое время за столом Павел Егорович с явным интересом смотрел по сторонам. Его внимание привлек книжный шкаф, до отказа заполненный разноцветными книгами в кожаных переплетках. Потом он задержался взглядом на картине Шишкина «Дождь в дубовом лесу», и ему даже показалось, что нечто подобное он уже видел когда-то, только в реальной жизни. И эту туманную даль, и эти лужи, и блестящую от влаги нежно-зелёную траву. Он даже испытал тогда то же чувство просветленности в душе, которое пришло к нему сейчас при взгляде на эту картину.

Первую рюмку, как водится, выпили за встречу. Вторую – за родителей. Иван Филиппович стал вспоминать, как ездил с Егором Петровичем Большетрубным на рыбалку поздней осенью, когда сорога скатывается с озер. Рассказал, как много они тогда поймали. Егор был отменный рыбак, каких сейчас не сыскать. Павел, слушая его, прослезился и стал вспоминать своё послевоенное детство, где не было, кажется, ничего примечательного, однако для Павла это была целая эпоха, в которой важное место занимал отец. Павлу вспомнилась маленькая местная пристань, баржи и пароходы, цыгане и пьяные мужики возле пивного ларька, рассуждающие о прошлой войне. Из своего детства Павел почему-то хорошо запомнил, кто с кем подрался и когда, кто утонул, кто замерз, не дотянув до дома два десятка метров. У Ивана Филипповича в памяти осталась суровая трагедия войны, у Павла – тоскливая драма послевоенной жизни, но по силе впечатлений они почему-то казались сейчас равнозначными.

Потом мужчины ещё долго выпивали и закусывали, продолжая беседовать и чувствуя, как начатый диалог становится всё более душевным, пока Евгения Семеновна красноречивыми жестами из-за спины милиционера не напомнила мужу о главном, что обязательно нужно

сегодня обсудить. После этого Иван Филиппович надолго замолчал, выжидая подходящий момент для разговора, а когда такой момент настал – быстро посерьёзnel и громко сказал:

– Вот что, Павел Егорович! Я вокруг да около ходить не умею, сам знаешь. Я честно скажу... Пригласили мы тебя, Павел, по важному делу, зная, что человек ты холостой, во всех отношениях порядочный и при должности.

– Ну.

– Так вот, предлагаем мы тебе такую вещь...

– Какую ещё вещь?

– Ты знаешь, что у нас с Евгенией Семеновной есть дочь – Вера..

– Ну!

– Так вот, по причине своей болезни она приобрела очень нужную в вашем служебном деле способность. А именно...

Иван Филиппович многозначительно наморщил лоб и поднял кверху указательный палец. При этом Павел перестал есть и удивленно вытаращил на собеседника глаза.

– Она научилась чувствовать преступление... на расстоянии. В частности: она может точно сказать, когда и где украли ту или иную вещь. Кто украл и у кого эта вещь сейчас находится... Мало того, она может читать чужие мысли на расстоянии, легко видит сквозь стены и прочее. Всего не пересказать и не перечислить...

– Вот те на!

– Для тебя, Павел, это клад, это находка. Ты с ней обязательно станешь генералом. И никто не будет знать твой секрет. Ты один сможешь бороться с мафией, наркобизнесом и терроризмом. Ты станешь первым в своем деле. И всё это благодаря ей, благодаря нашей Vere.

Иван Филиппович на секунду умолк и замялся, переходя к самой ответственной части разговора.

– Если, конечно, тебя не смутит то обстоятельство, – продолжил он неуверенно, – что наша Вера лечилась пару месяцев в психбольнице...

В это время Павел прищурил глаза и вопросительно посмотрел на Евгению Семеновну. Она поджала губы и отвернулась. Иван Филиппович мельком взглянул на неё и на какое-то время замолчал.

– Она девочка умная, – немного погодя, продолжил Иван. – Очень умная девка. Просто есть кой-какие странности в её словах и поведении... Но, я думаю, когда она станет твоей женой, когда родит тебе ребеночка или двух – то это у неё проедет. Вот увидишь.

– Нет, – замотал головой участковый, – нет, это у нас не пройдет... Не надо, Иван, не проси. Девка твоя непроста – с вывертом... Хотя я тоже не сахар, сам знаешь. Но. – Павел изобразил растопыренной пятерней что-то нескромное возле уха. – Все знают, где она лечилась.

– Ну, лечилась, – вступилась за дочь Евгения Семеновна. – В наше время многие лечатся, кто от пьянки, кто от белой горячки, кто от дурных пристрастий, а наша девка – от сотрясения мозга. Ну и что? Сейчас она здоровая. У неё и справка есть от врача. Здоровая девка, чего там. Кровь с молоком.

– Давай сюда справку, – пьяным голосом потребовал Большетрубный. – Справку в дело пришьём, как положено.

Он ещё что-то бормотал, почесывая мощный подбородок, шурился, вяло улыбался. Потом прикрыл глаза огромной ладонью, сделал вид, как будто засыпает – голову не может удержать, но тут же встрепенулся и громко скомандовал:

– Привести сюда подсудимую!

Евгения Семеновна даже вздрогнула от неожиданности: «Чего мелет, дурак».

– Привести, говорю, – снова скомандовал Большетрубный и стукнул кулаком по столу. – Где она?

В это время из-за кухонной перегородки, не дожидаясь приглашений, появилась Вера. Она была в белом шелковом платье с голубыми горошками, румяная и по-детски угловатая, как бы виноватая в чем-то перед этими взрослыми людьми. И в то же время – какая-то совершенно безвольная, толком не понимающая, что им всем от неё нужно. Павел с трудом поднял на неё глаза и тут же удивленно подумал: «Надо же, какая красавица девка, и никому не нужна!» А Вера, между тем, уже присаживалась за стол с ним рядом, внимательно и скромно поглядывая на участкового.

– Ну и дела! – озадаченно обронил Павел, чувствуя, как по спине пробегает странный холодок, и одновременно понимая, что ему, пожалуй, лучше убираться отсюда по добру по здорovu, пока не натворил каких-нибудь несусветных глупостей, потому что сердце его неожиданно размягчилось, а в голове запела какая-то вещая струна – предвестница сентиментальных чувств.

– Я, пожалуй, пойду, – скромно изрек он, вставая с места, и стараясь при этом ничего не задеть на столе, чтобы не пролить или не разбить ненароком.

– А над нашим предложением подумайте, – сказал ему Иван Филиппович. – Дельное ведь предложение-то.

– Ладно, – от порога откликнулся Павел.

Наступила тихая январская ночь. Одна из тех ночей, когда одинокие старики видят непристойные сны, а молодые влюблённые вообще не спят, когда в ночные окна проникает таинственный лунный свет, наполняя душу странным восторгом; когда молодые женщины мечтают забеременеть, а угасающие мужчины – вдруг чувствуют прилив свежих сил к середине тела, но не торопятся расплескать свой пыл... Январская ночь в Пентюхино – это вовсе не то, что майская или апрельская ночь. Если долго не спать в эту тихую лунную ночь, то можно увидеть очень много интересного. Например, можно увидеть, как сгорбленные от натуги мужики, несут канистры с бензином от местной нефтебазы, а пьяный сторож весело подбадривает их, провожая от ворот до дороги; как от колхозной мельницы домовитый мельник везет на санках куль муки и устало кряхтит. Как бессонные старухи тащат дрова из сельповской поленицы и шепчут молитвы. А если очень повезет, можно среди сонма ночных жуликов, пьяниц и разного рода проходимцев встретить подозрительно пугливую парочку настоящих влюбленных, которые при вашем появлении непременно шарахнутся куда-нибудь в прошлогодние репейники возле дороги и будут тихо дышать там пока вы не пройдете мимо.

В одну из таких ночей из местного продовольственного магазина под названием «Сельмаг», который больше напоминал деревянный барак тридцатых годов, кто-то украл два ящика водки. Воры на этот раз не были оригинальными, они разобрали в магазине кирпичную трубу, спустились вниз, взяли интересующий их товар и, поднявшись обратно на крышу, – исчезли в неизвестном направлении.

Слух об ограблении магазина дошел до Павла Егоровича быстрее, чем продавщица, успевшая за это время добежать до сельского Совета и напугать секретаршу Шуру Пшеничкину своим возбужденным видом. Потом продавщица побывала у сторожа местной нефтебазы, чтобы поинтересоваться, не видел ли он кого из местных прощелыг в пьяном виде. И только после этого она оказалась у дома местного милиционера. Из её слов Павел понял, что два ящика водки – это ещё не всё, ради этого трубы не разбирают. Скорее всего, из магазина исчезло что-нибудь ценное, надо всё проверить, всё как следует пересчитать.

В тот же день Павлу Егоровичу позвонил главный следователь районной прокуратуры и осведомился о принятых мерах по случаю воровства. Большетрубный ответил, что осмотрел место преступления внимательно, можно сказать досконально, соседей опросил, магазин, как

положено, опечатал, но пока ничего определённого о преступниках сказать не может. Потому что улики на месте не нашел никаких... Следователь посоветовал приниматься за дело без раскочки, ибо позарез результаты нужны. Во всем Красноярском районе неуклонно падает процент раскрываемости преступлений. По этой причине районное начальство на прокурора давит, прокурор – на милицию. Только успевай поворачиваться.

– Так что выручай. Сейчас на тебя вся надежда.

– Я постараюсь, – ответил Большетрубный.

– Не подведи, – попросил старший следователь...

После этого разговора Павел прошелся ещё раз по Кооперативной улице с грозным видом. Зашел к Михаилу Смагину, который вернулся из колонии месяц назад. Михаил, как ни странно, был трезв и с веселым азартом колол дрова у престарелой соседки, которая иногда выручала его деньгами. Он держался свободно, вполне независимо и не давал повода для каких-либо подозрений. А его бывшей сожительницы на этот раз дома не оказалось. Конечно, Мишка мог припрятать спиртное до поры до времени, он калач тертый, но в его глазах и улыбке не было никакой двусмысленности, не было даже намека на хитрость. А Юлька, его сожительница, могла упалить в район к своему одноногому ухажеру – инвалиду афганской войны. Инвалиды сейчас получают большие пенсии, поэтому у пьющих женщин такие люди в цене.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.